

творчества, о высыханіи живых источников «имперскаго строительства» въ самомъ государственномъ центрѣ Россіи.*)

Конечно: только революція 1917 года давала серьезную возможность выдвинуть грузинскій вопросъ какъ вопросъ публичнаго права въ Россіи. Но только большевицкій переворотъ и политическая конъюнктура великой войны послѣ Брестъ-Литовскаго мира въ 1918 году сдѣлала возможнымъ — но и необходимымъ — разрѣшеніе этого вопроса (для многихъ неожиданное), въ смыслѣ полной государственной независимости Грузіи, слѣдовательно, уже на почвѣ права международнаго.

Собственно къ этой международной стадіи въ развитіи грузинскаго вопроса (1918-1921 г. г.) и относятся излагаемые здѣсь факты, наблюденія, воспоминанія. Но для ясности придется начать съ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ эпизодовъ (преимущественно 1917 г.) — то политическаго значенія, а то и просто бытовыхъ, имѣющихъ, однако, всегда прямое отношеніе къ главной, чисто политической темѣ этой книги.

*) Общій очеркъ національнаго вопроса въ Грузіи наканунѣ войны и революціи сдѣланъ былъ мною для сборника: *Формы національнаго движенія въ Европѣ и Россіи*, изданнаго въ 1909 году (Спб. «Общественная Польза»). Другой мой этюдъ о политическихъ проблемахъ Кавказа былъ напечатанъ въ «Русской Мысли» П. Б. Струве (1911 г.). Возможно, что въ этихъ работахъ освѣщены тѣ корни, изъ которыхъ — въ нѣсколько тепличной атмосферѣ 1918 года столь стремительно произросло древо независимости Грузіи.

ГЛАВА I.

СЪ РОССІЕЙ!

1.

Когда въ Петроградѣ разразилась февральская революція, т. е. иными словами, когда начала рушиться и распадаться держава Романовыхъ, никто въ Грузіи (исключеній здѣсь было немного) не подумалъ и не сказалъ: «пришло время сбросить русское иго». Однако, понимали, что насталъ конецъ всей системѣ управленія Кавказомъ посредствомъ традиціонной военно-полицейской диктатуры; что, вмѣстѣ съ властью Императоровъ, падаетъ кавказское проконсульство, какъ оно сложилось за вѣкъ русскаго владычества. Государственное самоуправленіе народовъ Кавказа, еще вчера казавшееся недостижаемою мечтою, вдругъ показалось дѣломъ предрѣшеннымъ, непререкаемымъ.

Но Временное Правительство (перваго состава) вовсе не собиралось отказываться отъ русскихъ владѣній на Кавказѣ — или отъ какой-либо другой части историческаго наслѣдія Россіи: оно скорѣе не прочь было это наслѣдіе приумножить. Съ другой стороны, ни Грузія, ни какая другая часть Кавказа вовсе и не думала тогда отдѣляться отъ Русской Имперіи. (Императоровъ больше не было, Имперія, думалось, продолжала быть). Казалось, что революція дастъ всѣмъ возможность соединиться воедино на началахъ, на этотъ разъ, для всѣхъ пріятныхъ и благопріятныхъ. Съ такимъ, повидимому, чувствомъ и Временное Правительство отправляло въ Тифлисъ «Особый Закавказскій Комитетъ» (о которомъ скажу нѣсколько словъ ниже).

Но въ духѣ единенія съ Россіей надо разумѣть и тѣ заявленія о независимости Грузіи, которыя дѣлались, начиная съ марта 1917 года, и въ Грузіи, и за ея предѣлами.

Заявленія эти можетъ быть и не имѣли прямого практическаго значенія: однако, по нимъ легко было видѣть, какъ естественно протекала политическая кристаллизація общественнаго мнѣнія въ самой Грузіи и въ разсѣянныхъ по всей Россіи грузинскихъ колоніяхъ. Стержнемъ этой кристаллизаціи была именно идея независимой Грузіи, т. е. созданіе въ ней собственнаго государственнаго правопорядка, съ тѣмъ, однако, чтобы Грузія оставалась въ предѣлахъ общероссійскаго государственнаго союза.

Основанная на этой мысли резолюція, была, напримѣръ, единогласно принята общимъ собраніемъ проживавшихъ въ Петербургѣ грузинъ еще въ мартѣ 1917 года, гдѣ вдохновенную рѣчь произнесъ будущій основоположникъ тифлискаго университета, извѣстный грузинскій историкъ И. Джавахишвили: устами его вдругъ заговорила какъ-то по-новому тысячелѣтняя политическая традиція Грузіи.*)

Впрочемъ, въ самые первые мѣсяцы революціонной эпохи наиболѣе организованная и численная въ Грузіи политическая партія (соц.-дем.) еще какъ-то чуждалась этого общаго русла народныхъ стремленій и надеждъ — столь простыхъ и естественныхъ. Грузинскіе социаль-демократы пребывали всегда въ составѣ *россійской* с.-д. партіи; въ Грузіи они жестоко и, большею частью, побѣдоносно, — такъ по крайней мѣрѣ имъ казалось — боролись со сторонниками автономіи Грузіи, за «централизмъ».

Такая позиція, естественно, была сохранена ими, при Временномъ Правительствѣ, пока *россійскій* «меньшевизмъ», политическими послѣдователями и пайщиками котораго они были, занималъ вліятельное положеніе въ руководствѣ революціей; въ это время они не очень-то одобрительно смотрѣли на успѣхи лозунга «независимости» въ Грузіи и на другихъ окраинахъ Россіи.

Все это имѣло свои причины и объясненіе, которыя было бы не къ мѣсту здѣсь приводить. Упоминаю объ этомъ только чтобы пояснить, что стремленіе къ независимости обнаружилось въ грузинскомъ обществѣ съ первыхъ же дней революціи; но что именно послѣ октябрьскаго (совѣтскаго) переворота и послѣ вызваннаго имъ отхода грузинскихъ с.-д. на позицію грузинской національной программы, подкрѣпленную за-

*) Я имѣлъ честь председательствовать въ этомъ собраніи

кавказскимъ (временнымъ: «до Учредительнаго!») сепаратизмомъ, «кристаллизація» грузинскихъ народныхъ стремленій достигла всей желательной полноты. Это достиженіе связано съ грузинскимъ національнымъ конгрессомъ ноября 1917 года (въ Тифлисъ), гдѣ явлено было дѣйствительное и, если угодно, «священное» единеніе всѣхъ классовъ и группъ грузинскаго народа.*)

2.

Но о томъ чтобы порвать государственную связь съ Россіей, никто не думалъ; такъ же какъ не думали объ этомъ въ Эстоніи, Латвіи, на Литвѣ и на другихъ *россійскихъ* окраинахъ. Грузія шла въ этомъ отношеніи, можно сказать, въ ногу съ другими.

Мнѣ было тѣмъ легче судить объ этомъ, что въ 1917 году (какъ раньше въ 1905-6 г.г.) мнѣ пришлось принять участіе въ петербургскихъ совѣщаніяхъ окраинныхъ дѣятелей, сторонниковъ федеративнаго переустройства Имперіи. По порученію этого совѣщанія — оно собиралось обыкновенно въ помѣщеніи одного эстонскаго кредитн. общества, на Б. Конюшенной — мною былъ даже составленъ схематическій проектъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній этого устройства: изъ обсуждавшихъ его лицъ, иныхъ и слѣда нѣтъ, другіе стали государственными дѣятелями независимыхъ республикъ, какъ напр. Пийпъ, позже — премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ Эстоніи.

Эти совѣщанія 1917 года являлись въ свою очередь прямымъ продолженіемъ такихъ-же совѣщаній 1905-6 г. г., особенно конференціи «автономистовъ», созванной осенью 1905 года въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи курсовъ Лесгафта. Предсѣдателемъ ея былъ извѣстный лингвистъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ и закончилась она принятіемъ составленной мною

*) При этомъ одни, вполне естественно, дорожили прежде всего фактомъ національнаго объединенія, какъ необходимой основой для созданія государственныхъ формъ; другіе, главнымъ образомъ, стремились къ укрѣпленію или обереганію — въ рамкахъ Грузіи или всего Закавказья того, что называли «завоеваніями революціи». На дѣлѣ эти двѣ вещи были тѣсно между собою связаны.

по порученію бюро резолюціи объ автономномъ устройствѣ окраинъ Россіи.*)

Совѣщаніе, создавшее эту конференцію, позже, въ 1906 г., стремилось къ организациі особаго Союза автономистовъ въ 1-ой Государственной Думѣ. «Совѣщаніе» устроило приемъ зараженнымъ этою ересью членамъ Гос. Думы, на квартирѣ всѣми уважаемаго эстонскаго дѣятеля, нынѣ покойнаго, — д-ра Геллатъ. «Союзъ автономистовъ» при 1-ой Государственной Думѣ дѣйствительно образовался (предсѣдателемъ его былъ А. И. Ледницкій, секретаремъ В. Л. Геловани), но ничѣмъ себя не успѣлъ ознаменовать.

Однако, я вовсе не собираюсь писать исторіи лозунговъ автономіи и федераціи въ годы, предшествующіе революціи 1917 года. Многіе въ Россіи, считавшіе раньше эти идеи преступленіемъ, въ лучшемъ-же случаѣ, вздоромъ или чудачествомъ, прониклись ими послѣ 1917-20 г. г. Къ сожалѣнію, ко времени ихъ обращенія уже не существовало главной предпосылки федеративнаго переустройства Россійской Имперіи: не существовало болѣе этой Имперіи. Въ новыхъ-же условіяхъ, т. е. послѣ большевицкаго переворота — лозунгъ автономіи чуть не автоматически превращался въ лозунгъ независимости. Такъ было, въ частности, съ Грузіей, да и съ цѣлымъ Закавказьемъ, не говоря о другихъ окраинахъ.

Но, возвращаюсь къ эпохѣ Временнаго Правительства.

3.

Въ началѣ марта 1917 года (еще по старому стилю) меня какъ-то вызвали по телефону въ Министерство юстиціи къ А. Ф. Керенскому. «Только, ради Бога, не оставайтесь долго — увѣщевали въ приемной дамы, радѣвшіе о молодомъ министрѣ: ему надо завтракать, и онъ совсѣмъ выбился изъ силъ».

Дѣйствительно, Керенскій былъ въ полномъ изнеможеніи (и было отъ чего!). «Мы рѣшили, заговорилъ онъ наконецъ осипшимъ за эти первые, боевые дни переворота, голосомъ, поставить во главѣ Закавказья комитетъ, куда войдутъ члены Г. Думы. Съ ними же я прошу отправиться Переверзева.**) Мы хотѣли-бы включить въ этотъ комитетъ и Васъ. Согласны-ли

*) Нѣсколько раньше, въ томъ-же 1905 году, мною напечатанъ былъ этюдъ «Областные Сеймы. Федерализмъ» въ сборникѣ «Конституціонное Государство», изданномъ въ Спб. Г. В. Гесенемъ и А. И. Каминка.

**) Извѣстный присяжный повѣренный, позже, въ свою очередь, министр юстиціи (Времен. Правит.).

Вы? Или Вы считаете — скажите откровенно — что лучше сдѣлать членомъ этого комитета Кита Абашидзе?*)

Близко связанный съ погибшимъ въ 1915 году на Кавказскомъ фронтѣ членомъ Гос. Думы В. Л. Геловани и нѣкоторыми другими грузинскими дѣятелями, А. Ф. Керенскій былъ знакомъ съ политическими теченіями и вопросами Кавказа.

Я высказался за кандидатуру К. Абашидзе. У Керенскаго были нѣкоторыя колебанія. Но они разсѣялись, и онъ согласился съ желательностью этого выбора (вопросъ затѣмъ такъ и былъ рѣшенъ Временнымъ Правительствомъ). Я откланялся будущему диктатору.

«Особый Закавказскій Комитетъ» былъ въ сущности делегаціей, для управленія Закавказьемъ, російскаго Временнаго Правительства. Отъ послѣдняго онъ заимствовалъ свои полномочія — но и свою слабость. На Кавказѣ возникли очень скоро революціонныя организациі по русскому образцу: совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ и др. Благодаря ихъ «засилью» и по разнымъ другимъ причинамъ О. З. Комитетъ никогда не могъ стать на дѣлѣ тѣмъ «Закавказскимъ Правительствомъ по назначенію изъ Петрограда», какимъ онъ въ сущности являлся.**)

Временное правительство едва-ли имѣло досугъ чтобы подумать болѣе основательно о взаимоотношеніяхъ Кавказа и Россіи.

Отправивъ въ Тифлисъ «озакомъ***), оно считало, что снабдило Закавказье временнымъ органомъ, ему нужнымъ. Былъ-ли какой-нибудь дальнѣйшій планъ? Не знаю. По инерціи, по рутинѣ многія «кавказскія» дѣла продолжали «восходить» на разсмотрѣніе «подлежащихъ центральныхъ вѣдомствъ и учреждений». Нѣкоторые отдѣльные важные

*) Кита (собственно Иванъ) Абашидзе, видный грузинскій литераторъ, одинъ изъ руководителей партіи соц.-федералистовъ-Умеръ въ 1917 году, на посту члена Особаго Закавказскаго Комитета.

**) Предсѣдателемъ его былъ членъ Гос. Думы Харламовъ (к.-д.), а членами — А. Чхенкели, И. Абашидзе, М. Пападжановъ, М. Джафаровъ. Собственно, какъ бы образъ грузино-армяно-татарскаго единенія подъ руководствомъ Россіи. Но этотъ «символизмъ» былъ, кажется, единственнымъ достоинствомъ этого комитета.

***) Сокращенное обозначеніе Особаго Закавказскаго Комитета.

вопросы обсуждались Временным Правительством: например, автокефалия грузинской церкви; позже — введение земских учреждений в Закавказьи.*)

По основному же вопросу об организации управления Кавказом, в условиях, созданных февральской революцией, ограничились, как сказано, созданием «озакома».

Но, повидимому, некоторым казалось, что связь Закавказья с Россией, с правительственным ее центром в Петрограде, недостаточна обеспечивалась этим «озакомом», и что, кроме того, желательно было вновь (как до революции) объединить высшее управление Южного и Северного Кавказа (разъединенных системой «озакома»).

Для всего этого над двумя Кавказами думали поставить особаго *верховнаго комиссара*. Возстановленное, таким образом, в новых формах, намѣстничество думали, кажется, вѣрить Ф. А. Головину, б. председателю 2-ой Государственной Думы, а в этот момент — комиссару Министерства Императорскаго Двора. Планъ былъ неясный, зачаточный. Но о немъ шла рѣчь в одномъ частномъ совѣщаніи у Ф. А. Головина (въ Зимнемъ Дворцѣ), куда и я былъ призванъ въ качествѣ «свѣдущаго лица». Другое совѣщаніе на эту тему, съ меньшимъ числомъ участвующихъ и безъ Головина, имѣло мѣсто у В. Д. Набокова, который въ качествѣ управляющаго дѣлами временнаго Правительства, обеспечивалъ формально и связь его съ Кавказомъ. Совѣщаніе это не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Все это были въ данный моментъ иллюзіи и мечты кончавшейся эпохи.

Болѣе авторитетное (все относительно!) Закавказское правительство создано было нѣсколько позже *снизу*, а именно совокупностью мѣстныхъ организаций революціоннаго происхожденія (оставшихся вѣрными Учредительному Собранію и не признавшихъ власти Совѣтовъ) — подъ названіемъ «*Закавказскій комиссаріатъ*» (ноябрь 1917 года). Послѣ этого формальное обособленіе отъ Россіи и созданіе особой Закавказской республики зависѣло только отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

*) Я вовсе не носилъ здѣсь этихъ двухъ предметовъ, хотѣ и привлекался къ ихъ обсужденію весной и лѣтомъ 1917 г. въ Петроградѣ.

ГЛАВА II.

ГРУЗИНСКІЙ КОМИТЕТЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

4.

Въ концѣ 1917 и началѣ 1918 г. мнѣ довелось быть членомъ «національнаго комитета» грузинской колоніи въ Петроградѣ. Послѣ революціи такіе комитеты сразу, какъ грибы, появились всюду въ предѣлахъ бывшей Имперіи, отъ Польши до Тихаго океана — гдѣ только имѣлась хотя-бы небольшая горсточка людей грузинской породы. И возникли эти организациі одновременно, самопроизвольно, свидѣтельствуя, пожалуй, о жизненности и безыскусственности грузинскаго національнаго движенія.

Петроградскій комитетъ занималъ, по соглашенію съ владѣлицей, особнякъ графини Паниной, что на Фурштатской.

Обычныя его функціи — не особняка, а комитета — носили характеръ консульскій (вещь важная при недостаткѣ законной охраны лицъ и имуществъ) и продовольственный (вещь полезная, когда хлѣбъ дѣлался рѣдкостью). Здѣсь, въ комитетѣ, было средоточіе скудныхъ извѣстій, получавшихся изъ Грузіи; здѣсь же попросту сходились, какъ въ клубѣ, чтобы поболтать — эпоха къ тому располагала — нерѣдко за чашкою чая. Въ особыхъ случаяхъ, созывались общія собранія грузинской колоніи.*)

*) На первыхъ порахъ совѣтскія власти относились съ достаточною терпимостью къ этимъ національнымъ комитетамъ. Позже, съ развитіемъ террора, пошли стѣсненія разнаго рода. Председателемъ нашего комитета былъ сначала А. Коркіа, затѣмъ А. Черкезовъ, долговременный членъ редакціи С.Петербургскихъ Вѣдомостей (+).

Практическая полезность этой организации не вызывала сомнѣній: неоднократно комитету удавалось выручать изъ рукъ совѣтской полиціи лицъ зря арестованныхъ; не разъ онъ накормилъ своихъ «подопечныхъ» разными, льготно полученными, припасами. Однажды, по его милости, мы всѣ питались въ теченіе долгихъ дней... телячьими мозгами! Была, затѣмъ, недѣля «гречневая» и т. д.

Боюсь, что наше политическое заданіе — содѣйствовать насколько это было возможно изъ Петрограда и въ Петроградѣ — государственному «строительству» Закавказья (не пріясшаго, какъ извѣстно, совѣтскаго переворота 25 октября 1917 г.) удавалось намъ меньше, чѣмъ эта скромная «обывательская» работа для нуждъ нашей общины. Правильныхъ сообщеній съ Тифлисомъ не существовало. Историческіе пути Россіи и Закавказья явно расходились.

Мы знали, конечно, и объ образованіи въ Закавказьи фактически независимой власти («комиссаріата»), и о программѣ, всенародно принятой въ ноябрѣ 1917 года грузинскимъ національнымъ конгрессомъ въ Тифлисѣ; а, главное, знали, какъ Закавказье было отягощено незавиднымъ наслѣдіемъ бывшаго русско-турецкаго фронта, который, съ распаденіемъ русскихъ армій, приходилось принимать теперь на свои плечи новымъ краевымъ и національнымъ организациямъ. Но принести въ этомъ отношеніи какую нибудь пользу изъ Петербурга было мудрено.

5.

Въ грузинскихъ, а особенно въ армянскихъ кругахъ Петрограда и Москвы распространены были преувеличенныя и сбивчивыя представленія о численности воиновъ закавказскаго происхожденія, освободившихся отъ службы на російскихъ фронтахъ и стремившихся обратно на родину — съ готовностью будто-бы ее, т. е. эту мѣстную родину «тамъ» отстоять отъ внѣшняго врага.

Помню одно посѣщеніе «Смольнаго» вмѣстѣ съ генераломъ Л. Ф. Тиграновымъ, уполномоченнымъ армянскаго комитета. Мы были приняты лицомъ «отъ котораго все зависѣло» — А. Енукидзе; онъ обѣщалъ «содѣйствовать» скорому возвращенію доной освобождавшихся на европейскомъ фронтѣ армянъ и грузинъ; а также отпуску разныхъ предметовъ военнаго снаряженія, до крайности необходимыхъ кавказскому фронту.

Ни эти наши шаги, ни даваемые намъ обѣщанія не имѣли, разумѣется, ни малѣйшаго вліянія на ходъ событій. Подготовлявшійся тогда миръ между Россіей и германскою коалиціей былъ въ этотъ моментъ единственной дѣйствительной «сферой вліянія» совѣтскаго правительства и здѣсь его работа имѣла чрезвычайное значеніе. Закавказье-же было фактически предоставлено самому себѣ.

«Объединись, какъ слѣдуетъ, Грузія и Арменія — говоритъ Тиграновъ (б. офицеръ генеральнаго штаба) на обратномъ пути изъ Смольнаго, — они смогли-бы и теперь съ турками справиться, и, въ будущемъ, создать неприступный бастионъ, оплотъ ихъ независимости. Припомните карту» и т. д.

Увы! и Грузія, и Арменія оставались до послѣдняго момента лишь «географическими выраженіями»; Временное правительство противилось формированію національныхъ частей; да еще вопросъ, можно-ли было ихъ создать такъ скоро и въ такомъ количествѣ, какъ требовалось; несомнѣнно лишь, что некому было стать на мѣсто уходившей съ фронта, разложившейся русской арміи! Не буду, впрочемъ, останавливаться ни на этихъ фактахъ, ни на попыткахъ разныхъ «комитетовъ», «сѣздовъ» и лицъ объединить, въ частности, грузинскій военный элементъ въ Россіи и направлять его въ Грузію. Подчиняясь вліянію среды и «текущаго момента» (нелѣпое, но обиходное выраженіе русскаго политическаго жаргона на Кавказѣ!) организациіи эти увлекались и аграрнымъ вопросомъ, и программными спорами партій, а потому мало-что могли сдѣлать для приумноженія военной силы Грузіи или Кавказа.

6.

Въ дни колебаній, предшествовавшихъ подписанію Брестъ-Литовскаго договора (январь-мартъ 1918 г.), въ Петербургѣ жилось тревожно. Ожидали иногда чуть ли не со дня на день занятія столицы германскими войсками. Чувства по этому случаю выражались довольно разнообразныя, но «обыватель», кажется, не прочь былъ увидѣть на Невскомъ «прусскую каску». Въ чудодѣйственную силу германскаго порядка тогда очень ужъ вѣрили; и не менѣе другихъ тѣ, кто съ особымъ рвеніемъ ненавидѣли нѣмцевъ въ 1914-15 г. г.

Положеніе складывалось такое, что «национальнымъ» общинамъ приходилось думать о томъ, какъ быть въ случаѣ

прихода германцевъ. Грузинскій комитетъ имѣлъ даже совмѣстныя съ армянскимъ совѣщанія по этому поводу. Обсуждались разные формальные вопросы, не получившіе, однако, практическаго значенія, ибо германцы въ Петроградѣ не пришли.*)

Въ это же приблизительно время — печать была тогда еще довольно свободна въ Петроградѣ — я, по просьбѣ проф. Б. Э. Нольде, написалъ для журнала «Международная политика» статью**) специально о постановленіяхъ Брестъ-Литовскаго договора, касающихся Кавказа.

Разрывъ между закавказскимъ комиссаріатомъ и Совѣтскимъ правительствомъ сдѣлался полнымъ послѣ разгона Учредительнаго Собранія (11 января 1918 г.). Однако точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ Тифлисѣ въ первые мѣсяцы 1918 года у насъ въ Петроградѣ не было. Но, зная мысли — а еще больше чувства — грузинъ и армянъ, я могъ въ своей статьѣ высказаться съ достаточнымъ основаніемъ о томъ, какъ они отнесутся къ уступкѣ Батума и Карса туркамъ. Я выразилъ увѣренность, что Брестъ-Литовскій договоръ неминуемо приведетъ къ особымъ переговорамъ Закавказья съ Турціей и другими державами и дастъ толчокъ къ формальному, полному отпаденію этого края отъ Россіи — такъ и произошло на самомъ дѣлѣ.***) Но, прибавляло съ вѣзаклучительныхъ строкахъ статьи, если такое рѣшеніе и вытекаетъ изъ сложившейся международной обстановки, оно, можетъ быть, окажется временнымъ: «быть можетъ, писалъ я, путь отъ поглощенія Закавказья (Россіей) къ прочной федеративной связи съ Россіей пройдетъ черезъ отдѣленіе отъ Россіи.»

*) Одно время большевики дѣлали видъ, что готовы, въ случаѣ чего, оказать и сопротивление германцамъ; въ виду этого группа офицеровъ затѣяла организацію добровольческаго «иверійскаго» полка (на такіе предметы можно было въ этотъ моментъ получить авансъ отъ Совѣтскаго правительства). Изъ предпріятія этого ровно ничего не вышло, и полкъ, еще не сформированнымъ, долженъ былъ «расформироваться», а составъ его (кажется, нѣсколько десятковъ человекъ) получилъ разрѣшеніе «вернуться» на Кавказъ особымъ эшелонемъ. Грузинскій комитетъ, считая всю эту затѣю весьма легкомысленной, относился къ ней вполнѣ отрицательно. О неожиданной ея и трагической развязкѣ придется разсказать ниже.

**) *Батумъ и Карсъ.* Журналъ далъ въ рядѣ статей полное изложеніе и оцѣнку содержанія и послѣдствій Б.-Л. трактата.

***) Только я не ожидалъ, что Сеймъ Закавказья додумается до «возстановленія состоянія войны» съ Турціей!

Едва пять лѣтъ истекло съ того времени, какъ написаны были эти строки, и вотъ, Грузія и все Закавказье, отдѣлившись дѣйствительно отъ Россіи и утвердивъ свою независимость, уже успѣли подвергнуться вторженію совѣтскихъ войскъ (въ 1920-21 г. г.); а съ начала 1923 года и формально возстановили связь съ Россіей. Связь эта именуется федеративной; будетъ-ли она прочной?

Итакъ гаданіе мое начала 1918 года сбылось, къ сожалѣнію, въ 1922-3 годахъ; мнѣ-же, за это время пришлось поработать, главнымъ образомъ, въ томъ направленіи, чтобы оно... не сбылось; во-всякомъ случаѣ, чтобы не сбылось, ни въ такой формѣ, ни въ этихъ условіяхъ!

Трудно было сидѣть себѣ спокойно въ Петроградѣ въ такое время, когда Грузія и весь Кавказъ оказались въ необходимости выяснить и вести *свою* политику. Грузія воскресала изъ мертвыхъ. Хотѣлось быть тамъ, видѣть происходящее.

Въ Петроградѣ меня въ эти мѣсяцы*) удерживала только работа въ книгоиздательствѣ «Огни», ставившемъ себѣ очень широкія задачи, съ 1917 года, когда дѣловое руководство имъ перешло въ руки Н. Б. Глазберга. На моемъ специально попеченіи была серія книгъ «Кругъ Знанія», въ которой появились въ, 1917-18 г. г. цѣлый рядъ работъ лучшихъ научно-литературныхъ силъ Петрограда. Назову академиковъ и профессоровъ: Зѣлинскаго, Ростовцева, Бартольда, Карсавина, Прѣснякова, Фармаковскаго и др.

Политическая атмосфера, очевидно, не соотвѣтствовало этимъ занятіямъ. Въ то время, какъ выяснялось безсиліе Учредительнаго Собранія и созрѣвали жестокія событія гражданской войны, мы, въ очередныхъ засѣданіяхъ совѣта «Огней», подъ предсѣдательствомъ Е. А. Ляцкого, обсуждали вопросы о переизданіи «Книги Маркизы» К. А. Сомова, «Исторіи Русскаго Искусства» А. Н. Бенуа, объ организаціи печатанія учебниковъ и т. д. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, «несвоевременность» или «несовременность» были здѣсь лишь кажущимися...

Однако надо было ѣхать въ Тифлисъ. И вернуться къ лѣту, для продолженія литературно-издательской работы. Уѣхать я уѣхалъ, а вернуться въ «градъ Св. Петра» ужъ не пришлось.

*) Въ 1917 году я былъ сенаторомъ 1-го (административнаго) Департамента. Правительствующій Сенатъ, гордое нѣкогда дѣтище великаго Петра, былъ упраздненъ 1-го декабря 1917 года.

ГЛАВА III.

САНИТАРНЫЙ ПОЕЗДЪ № 113.

7.

Весною 1918 года железнодорожное сообщение между российскими столицами и Кавказомъ было далеко не регулярнымъ. Въ сущности, одиночный пассажиръ, необремененный багажомъ, съ исправными бумагами и среднимъ счастьемъ, имѣлъ достаточно шансовъ достигнуть своего назначенія. Гдѣ-то — не-то въ Донской, не то въ Кубанской области — шли военныя дѣйствія между большевиками и «корниловцами»; при отсутствіи точныхъ свѣдѣній и измѣнчивости событій, все это было какъ-бы закрыто туманомъ и не пугало.

Но ѣхать одному, на свой страхъ и рискъ, не было суждено. Грузинскому національному комитету пришлось заботиться объ «эвакуаціи на родину» цѣлаго ряда лицъ, стремившихся въ Тифлисъ, Баку и т. д. по разнымъ основаніямъ; кромѣ прямыхъ «подданныхъ» просились въ партію «эвакуируемыхъ» отдѣльныя лица, довольно таки разношерстныя, которымъ слѣдовало помочь.

Такъ возникъ вопросъ объ отправленіи въ Тифлисъ гражданъ, оказавшихся на попеченіи нашего комитета, и желавшихъ «вернуться на родину», особымъ поездомъ. Получено было принципиальное разрѣшеніе властей въ Смольномъ. Но поездъ намъ дать не могли. Однако сказали: поищите, если найдете сами гдѣ-нибудь подходящий «составъ», приведите его сюда, и мы предоставимъ его въ ваше распоряженіе. Такъ и поступили. Освѣдомившись о томъ, что въ Ярославлѣ задержался и стоитъ безъ пользы санитарный поездъ, обору-

дованный на средства города Баку, комитетъ отправилъ въ Ярославль расторопнаго «толкача», который въ одно прекрасное утро привелъ этотъ поездъ и поставилъ его на какихъ то закоулочныхъ путяхъ петроградскаго желѣзнодорожнаго узла.

Тѣмъ временемъ, получено было формальное разрѣшеніе отправить «санитарный поездъ № 133» въ рейсъ Петроградъ-Баку-Тифлисъ, съ доставкой его, за отвѣтственностью комитета, обратно; составлены списки пассажировъ и ихъ болѣзней (къ этому обязывало обозначеніе поезда какъ санитарнаго).

28-го марта мы, къ собственному своему изумленію, тронулись таки въ путь — съ Финляндскаго вокзала. До послѣдней минуты боялись, что какое-нибудь вѣдомство, учрежденіе или вліятельное лицо пожелаютъ отнять у насъ этотъ, казавшійся столь драгоценнымъ, Провидѣніемъ ниспосланный поездъ!

До Ростова-на-Дону были въ пути одну недѣлю. Странное впечатлѣніе производили пустыя станціи; уже сказывалась во многомъ заброшенность, желѣзныя дороги жили не во-всю, а лишь частично; но чувствовалась еще инерція прежняго уклада. Случались заминки; въ концѣ концовъ всюду проскакивали. Продовольствовались своими запасами; на югъ можно было кое-что покупать; состоявшіе при поездѣ, въ качествѣ прислуги, нѣсколько плѣнныхъ австро-венгерцевъ, были намъ довольно полезны.

Въ Ростовѣ задержались сутокъ на двое. Здѣсь отняли у насъ часть вагоновъ, ссылаясь — признаться, не безъ основанія на недостаточную населенность нашего поезда. Впереди чувялась гражданская война, въ самомъ Ростовѣ было неспокойно; въ районѣ вокзала то и дѣло возникала паника; ставились и уводились часовые, появлялись пулеметы, и трудно было разобрать, кто усмиряетъ, кого усмиряютъ, гдѣ зѣваки и гдѣ власть. Было, въ общемъ, жутко; «населеніе» поезда, довольно таки безпечное и жизнерадостное до сихъ поръ, замѣтно приуныло.

...Мы приближались, сами того не зная, какъ слѣдуетъ, къ настоящему театру гражданской войны. На станціи Кавказской насъ отказались пропустить дальше. Вступили въ переговоры съ мѣстнымъ совѣтскимъ начальствомъ, безрезультатно. Говорили по поводу съ Екатеринодаромъ, ссылались на Смольный, на наши бумаги — особаго успѣха не имѣли. Оказалось, что ввиду боевъ съ добровольцами въ рай-

онъ Екатеринодара, *) нашъ санитарный поѣздъ (имѣвшій при себѣ свой штатъ и оборудованіе) былъ истинной находкой для совѣтскихъ властей: рѣшено было его реквизиловать, не смотря на особое назначеніе, данное ему изъ Петрограда. Какъ ни чувствовали мы себя обиженными, но прекословить не могли, да и распоряженіе, правду сказать, вполне оправдалось жестокими обстоятельствами тѣхъ дней. Разъ были раненые, приходилось, по справедливости, уступить имъ нашъ поѣздъ. Намъ-же, взаменъ того, предоставили нѣсколько теплушекъ. Былъ, конечно, произведенъ обыскъ всѣхъ нашихъ вещей. Словомъ, причинены всѣ неприятности, какъ то сразу и такъ позорно вошедшія въ обиходъ русской жизни, послѣ революціи.

Однако насъ отправили дальше вслѣдъ за другимъ поѣздомъ, въ составѣ котораго былъ, какъ оказалось на ст. Кавказской, одинъ вагонъ съ эшелономъ расформированнаго «иверійскаго» полка, о которомъ упоминалось выше.**)

Треволненія были такъ велики, что мы не имѣли времени чтобы оцѣнить, какъ надлежало, переходъ отъ отошавшей, обдѣнѣвшей уже внутренней Россіи къ тучнымъ полямъ Кубани, еще богатой хлѣбомъ и всякими дарами.

8.

Ст. Тихорѣцкую прошли съ затрудненіями, но безъ особыхъ обидъ. Передъ самой станціей Армавиръ (это было числа 7-8 апрѣля 1918 г.) продолжительная задержка. Можно было видѣть у станціонной платформы другой поѣздъ и огромную толпу народа вокругъ. Что тамъ происходило — нельзя было разобрать.

Когда, наконецъ, путь освободился, и нашъ поѣздъ подошелъ къ вокзалу, толпа, сильно взбудораженная, только начинала расходиться. Тутъ было много, какъ они раньше назывались, «подонковъ общества» — того оборваннаго, обтрепаннаго, малопривлекательнаго люда, которымъ всегда такъ изобиловали желѣзнодорожные центры Кубанской области; цѣлыя толпы солдатъ явно сбившихся съ толку и съ

*) 28 марта Екатеринодаръ былъ занятъ добровольцами; 29-го вновь занятъ большевиками. Въ ночь съ 30 на 31 марта былъ убитъ подъ Екатеринодаромъ генераль Корниловъ. Но мы тогда не знали точно этихъ фактовъ.

**) См. стр. 16.

вовсе не привѣтливомъ выраженіемъ лицъ: гораздо меньше казаковъ, коренныхъ кубанцевъ, выглядѣвшихъ довольно таки растерянно. Надвигалось что-то недоброе.

Нашъ поѣздъ немедленно былъ оцѣпленъ, и приказано было не выходить изъ вагоновъ. Слушая изъ дверей теплушки обрывки разговоровъ на платформѣ, мы узнали, что въ переднемъ поѣздѣ найдено было оружіе, и обнаружены «корниловцы» съ «золотыми эполетами» и «печатами».

Поразила меня одна старая крестьянка, особенно напиравшая на эти «печати» и «золотые эполеты», за которые ихъ вотъ, «небось, растрѣляютъ». Заключение это представлялось ей совершенно неизбѣжнымъ: какъ-же, вѣдь «кадеты», «корниловцы» — объяснялъ кто-то рядомъ. Какъ не сказать: sancta simplicitas! Но отъ такой святости да упасетъ Господь cadaго изъ насъ.

Мы попали въ одинъ изъ мѣстныхъ фокусовъ гражданской войны, или порождаемыхъ ею случайныхъ безчинствъ: всѣ вольные, прибывающіе съ сѣвера, считались здѣсь подозрительными по «корниловщинѣ».

Пришли обыскивать нашъ поѣздъ: молодые люди, одни съ претензіей на лихость, другіе съ виноватымъ выраженіемъ простецкихъ лицъ: вмѣстѣ съ ними военныя команды со слѣдами недавней еще дисциплины. Были среди насъ люди весьма имущіе, имѣвшіе при себѣ много цѣнныхъ и ненужныхъ вещей: они трепетали, ожидая, что отнимутъ все «до послѣдняго платка» (такіе ходили слухи). На самомъ дѣлѣ, ничего почти ни у кого не отняли. Съ револьверами, конечно, пришлось всѣмъ разстаться. Но теплушки наши продолжали быть подъ стражею, и мы оставались въ полной неизвѣстности.

Несомнѣнно было, что здѣсь, въ Армавирѣ намъ грозитъ терроръ — быть можетъ, случайный, «иррегулярный» — но тѣмъ болѣе опасный. Какъ, однако, отсюда выбраться? Обсуждая этотъ вопросъ съ А. М. Хоштарія, *) мы быстро нащупали грунтъ. Онъ твердо помнилъ, что одинъ его знакомый, нашъ соотечественникъ Ж., занималъ въ Армавирѣ какую-то должность. Онъ могъ намъ помочь. Но какъ его найти? Очень просто. «Здѣсь имѣется, предположилъ я, буфетъ, а хозяинъ и прислуга въ буфетѣ, навѣрное, грузины. Пошлемъ за «нарзаномъ», принесетъ ее лакей, навѣрное, ловкій и «сознатель-

*) Извѣстный собственникъ концессій въ Сѣверной Персін, дѣловой человекъ большого почина, «американской складки».

ный», онъ намъ мигомъ разыщетъ вашего спасителя». Проходившій мимо желѣзнодорожникъ согласился, за небольшое вознагражденіе, прислать «минеральной воды» — и вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, вода эта уже пѣнилась въ стаканахъ. Пока она пѣнилась, Хоштарія успѣлъ сказать все — что слѣдовало, а молодой человѣкъ изъ буфета не замедлилъ смекнуть и отвѣтить, что было нужно.

Стоявшій рядомъ часовой, черноземный сѣрякъ, рявкнулъ: «не велѣно тутъ говорить по вашему» — едва-ли онъ понималъ, что изрекалъ цѣлую государственную программу! но буфетный юноша огрызнулся: что, не понимаешь, теперь свобода, каждый можетъ говорить на своемъ языкѣ! (тоже программа!), и съ негодующимъ видомъ побѣждалъ обратно.

Черезъ часъ въ концѣ платформы появился и прошелъ мимо насъ, съ видомъ совершенно посторонняго лица, начальникъ желѣзнодорожной милиціи участка: это и былъ Ж.

Ночь провели въ вагонахъ подъ стражею. Утромъ былъ розданъ кипятокъ, а позже объявили, что поведутъ въ тюрьму. Суматоха, смятеніе, женскіе вопли. Тогда объяснили: не совсѣмъ въ тюрьму, а въ чрезвычайную комиссію; а ужъ оттуда... Выстроились мы въ ряды, окружили насъ цѣпью караульныхъ солдатъ и повели черезъ весь Армавиръ въ комиссію. По улицамъ встрѣчные смотрѣли, какъ на обреченныхъ. Было насъ всего человѣкъ, думаю, 50-60, и допросъ затянулся. Члены комиссіи, такъ себѣ, молодые люди ложно-военнаго обличія, выслушивали наши объясненія сравнительно милостиво. Ж. уже принялъ свои мѣры, и въ «производствѣ» участвовалъ представитель... мѣстнаго грузинскаго комитета. Вполнѣ либерально. Допросъ окончился, и намъ объявили, что мы свободны. Чего-же лучше? Мы почувствовали себя совсѣмъ школьниками. Впрочемъ, большая часть нашихъ спутниковъ выѣхала въ тотъ же день изъ Армавира въ Туапсе: эти избрали благую часть. Меньшинство (человѣкъ 10-12) осталось въ Армавирѣ: насъ пріютили на ночь грузины-армавиры. Мнѣ, вмѣстѣ съ С. Кедіа, выпало воспользоваться гостеприимствомъ одного земляка, служившаго въ Армавирѣ по акцизу, въ грузинской же политикѣ единомышленника національ-демократической партіи: онъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ такой чести — предоставить ночлегъ видному лидеру этой партіи, Кедіа, но и мнѣ отъ этого было удобство.

Равовались преждевременно: на слѣдующее-же утро намъ

сообщили въ грузинскомъ комитетѣ, что арестованные въ день нашего прибытія въ Армавиръ офицеры и другіе (числомъ около 40 лицъ) обвиняются въ принадлежности къ добровольческой организаціи, и что ихъ будутъ судить на солдатскомъ митингѣ. Армавиръ совершенно въ рукахъ этихъ солдатъ (ушедшихъ съ кавказскаго фронта). Ни казачьи власти, ни регулярныя большевицкія организаціи ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Какъ говорили, при задержаніи этихъ военныхъ, найдено было оружіе, главнымъ образомъ, винтовки, привязанныя подъ вагономъ, и, повидимому, принадлежавшія нѣсколькимъ горцамъ, зачислившимся было въ «Иверійскій полкъ», возвращавшимся въ Терскую область. Печати и другія канцелярскія вещи принадлежали этому-же полку. Что касается офицеровъ, то они частью возвращались въ Тифлисъ по дѣламъ службы, напр., тѣ, что ѣздили въ Петроградъ за бронированными автомобилями для кавказскаго фронта; другіе-же направлялись во-свояси, въ разные города Закавказья.

Были среди этихъ арестованныхъ лица, совершенно случайно попавшіе въ воинскій вагонъ: напр., двое студентовъ, пересѣвшіе къ офицерамъ — играть въ карты — изъ нашего поѣзда чуть не на ст. Кавказской. Всѣ они, безъ исключенія, числомъ 39, были митингомъ солдатъ въ этотъ же день приговорены къ умерщвленію — несмотря на всѣ старанія грузинскаго комитета (среди осужденныхъ было 13 грузинъ) и другіхъ организацій. Расправа была произведена тутъ-же, съ помощью пулемета, и съ жестокостью, которая тогда еще поражала, а теперь никого не удивить.

Казалось, весь Армавиръ оцепенѣлъ: разгулявшійся, спущенный съ цѣпи, звѣрь могъ грозить каждому. Тѣмъ болѣе, мѣсто богатое, торговое.

Мы сидѣли, притихшіе, подавленные въ помѣщеніи грузинскаго комитета; внезапно одинъ изъ членовъ его прибѣгаетъ съ извѣстіемъ: насъ ищутъ — солдаты кричатъ о вчерашнемъ послабленіи, объ освобожденіи явныхъ «корниловцевъ»; они собираются сами съ нами расправиться; наконецъ, и комитету грозитъ опасность, ибо онъ самъ теперь подъ подозрѣніемъ — словомъ, намъ слѣдуетъ поскорѣе спастись изъ Армавира.

Благодаря связямъ и толковости Ж., мы немедленно привели въ осуществленіе слѣдующій «планъ»: теплушка съ

нашими вещами будет охраняться на станціонныхъ путяхъ милиціонерами Ж.; мы, по двое или по одному, дабы не привлечь вниманія, отправимся на вокзалъ, какъ только стемнѣетъ; послѣ полуночи прибѣдетъ поѣздъ изъ Тихорѣцкой и ночью-же отойдетъ на Минеральныя Воды (послѣдній поѣздъ, такъ какъ на слѣдующій день, за отсутствіемъ топлива, движеніе прекращалось); къ этому то поѣзду и будетъ прицѣплена въ послѣдній моментъ наша теплушка, на-глухо закрытая — подъ видомъ товарнаго вагона — и, такимъ образомъ, мы выберемъ изъ Армавира.

Едва наступилъ вечеръ, мы разными путями направились къ станціи, проникли въ свой вагонъ, и, усѣвшись на вещахъ, стали ждать. Стемнѣло. Милиціонеръ съ винтовкой, довѣренное лицо Ж., сѣлъ къ намъ «на всякій случай». Другой снаружи, имѣлъ «наблюденіе». Насъ куда-то передвинули; потомъ все смолкло. Сидѣли безъ огня; переговаривались вполголоса. Милиціонеръ сталъ рассказывать, монотонно, равнодушно, о казни 39, которую онъ видѣлъ сегодня. «Ничего съ солдатами не подѣлаешь: вотъ и васъ, видно, ищутъ. Должно быть скоро будутъ сюда, къ поѣзду... Да врядъ ли отыщутъ...

«А капитанъ не пожелалъ копать, такъ ему прикладомъ локоть перебили»... возвращается къ своему разсказу нашъ охранитель.

Наступаетъ жуткое, безформенное молчаніе. Позже, начинается разсказъ о томъ, какъ «вотъ на прошлой недѣлѣ здѣсь на сестрѣ милосердія пулеметъ нашли. Артиллеристъ стоялъ рядомъ — какъ хватить ее саблей по плечу, все плечо разрубилъ; она, какъ ничего, дальше идетъ; тутъ другой ее хватъ по другой рукѣ»... и т.д. нашъ стражъ передавалъ всѣ подробности съ такимъ равнодушіемъ, будто рѣчь шла о самомъ будничномъ обстоятельстве. — Впрочемъ, это и было «будничное обстоятельство». Послышалось чье-то рыданіе, скоро подавленное — «товарный вагонъ» долженъ безмолвствовать.

Длительная тишина. Позже — внезапный свистокъ — другой — грохотъ приближающагося поѣзда, и, затѣмъ, обычный станціонный гулъ, скоро впрочемъ, заглохшій. Снова какая-то возня, громкіе голоса на вокзалѣ. «Должно, васъ ищутъ», шепнулъ стражникъ.

Слышно было движеніе маневрирующихъ паровозовъ. Толчекъ, и насъ куда-то двинули, перевели на другой путь, къ чему-то прицѣпили. Скоро распознали мы голосъ Ж. говорив-

шаго по сосѣдству съ однимъ изъ милиціонеровъ. Затѣмъ, и нашъ стражникъ, отодвинувъ дверь теплушки, неслышно выскользнулъ въ темную ночь; новый свистокъ — и поѣздъ тронулся изъ Армавира, гдѣ 39 замученныхъ людей брошены были въ ими-же вырытый ровъ.

Прибывъ на станцію Минеральныя Воды, узнали, что движеніе съ часу на часъ должно прерваться, и что едва-ли доберемся до Владикавказа. Пришлось остаться и избрать мѣстопробываніе въ предѣлахъ «группы». Поселились въ Пятигорскѣ, съ крутымъ переходомъ отъ «теплушки» къ комфорту первоклассной гостиницы «Бристоль». Въ это время, т. е. въ серединѣ апрѣля 1918 года въ Пятигорскѣ, да и въ другихъ поселеніяхъ этого района, было сравнительно спокойно. Равновѣсіе общественныхъ силъ еще какъ то держалось и уживалось съ признаніемъ совѣтской власти; пришлого населенія было сравнительно мало, и изобиліе во всемъ было полнѣйшее.

Въ Пятигорскѣ дошелъ до насъ слухъ о перерывѣ Трапезундской конференціи, о паденіи Карса и Батума, о формальномъ провозглашеніи независимости Закавказья. Еще больше потянуло насъ въ Тифлисъ — между тѣмъ приходилось бездѣйствовать, вдыхая цѣлительный воздухъ и ждать удобнаго случая къ отъѣзду.

Я чуть было не собрался ѣхать во Владикавказъ на дрогахъ, по колесной дорогѣ — весной это даже соблазнительно; но члены грузинскаго комитета (вездѣ на группахъ были такіе комитеты-консульства революціоннаго происхожденія) отговорили отъ этого намѣренія: «убьютъ и ограбятъ въ пути, несомнѣнно». Вотъ вамъ, говорилъ я себѣ, и *ра х г о с с и с а*, о значеніи которой на Кавказѣ я какъ-то писалъ въ «Русской Мысли»!

Въ условіяхъ пятигорской сытости и довольства (позже и здѣсь все было уничтожено до тла двуногою саранчею!) подошла къ концу эта неожиданная пауза въ нашемъ путешествіи. Иные изъ насъ стали прибавляться въ вѣсъ; очутившись — явно случайно и явно временно — въ обстановкѣ прежняго, привычнаго для нихъ быта, они легко принимали это мимолет-

ное за постоянное; прежній оптимизмъ и прежняя увѣренность возрождались въ нихъ съ возвращеніемъ утренней ванны и хорошо поданнаго завтрака! Но не есть-ли эта живучесть наивнаго оптимизма одна изъ движущихъ силъ такъ называемаго «буржуазнаго» т. е. всякаго, зависящаго отъ людской предприимчивости строя?

ГЛАВА IV.

НА КАВКАЗЪ.

10.

Какъ только возстановилось движеніе, мы продолжали нашъ путь, по прежнему, въ товарномъ вагонѣ; снова подвергались обыскамъ, опять объяснялись съ различными молодыми людьми въ «френчахъ» — той несмѣтно расплодившейся во время войны породы, для которой армія и полувоенная организаци (учрежденія земскаго, городского союзовъ, Краснаго Креста и т. д.) послужили питательной культурой, и, которая, естественно и неизбѣжно нашла свое примѣненіе въ революціи; встрѣчались съ возвращавшимися въ Россію войсковыми эшелонами и опять убѣждались въ томъ, что война 1914-18 г. г., народу чуждая и непонятная, была со стороны Россіи огромнымъ, кровавымъ недоразумѣніемъ... Здѣсь особенно бросалось въ глаза, что искусственное равновѣсіе Имперіи рушилось и отдѣльныя, составлявшія ее живыя силы или случайные отбросы, выявлялись теперь въ своей особности и въ мѣру своей жизненности — вотъ казачество; вотъ горцы; вотъ городской пролетаріатъ; вотъ бывшія войска имперіи, превращающіяся въ скопища вооруженныхъ бродягъ и т. д.

Казалось, и силы природы не могутъ остаться въ сторонѣ отъ этого всеобщаго передѣла, когда усилями миллионовъ и сдвигами народныхъ массъ всюду поколеблены старыя грани государственныхъ владѣній, и начато какъ-бы новое «генеральное межеваніе»; казалось, и этотъ горный хребетъ возвращался теперь къ своему изначальному географическому смыслу — быть каменною, чудовищною межою, быть барьеромъ брошен-

нымъ на краю необозримой россійской равнины, дабы на этомъ участкѣ дать форму и предѣлъ безформенному и безпредѣльному.

Во Владикавказѣ задержались на короткое время. Грузинская колонія, считая насъ въ числѣ погибшихъ въ Армавирѣ, собиралась было уже служить по насъ панихиду, на которую мы, такимъ образомъ, имѣли всѣ шансы попасть — однако, видя насъ живыми, ее отмѣнили, устроивъ, взаменъ того, торжественный обѣдъ. Я же лично, отдѣлившись отъ моихъ спутниковъ и получивъ мѣсто въ автомобилѣ, возвращавшемся въ Тифлисъ, поспѣшилъ туда.

Во Владикавказѣ мы встрѣтили агентовъ Закавказскаго правительства, пріѣхавшихъ закупать зерно. Отъ нихъ узнали болѣе подробно о томъ, какъ провозглашена была независимость Закавказской республики, какъ образовалось правительство подъ предсѣдательствомъ А. И. Чхенкели и о томъ, какъ предполагалось, въ ближайшіе дни, возобновить въ Батумѣ, переговоры съ турками, оказавшіеся столь бесплодными въ Трапезундѣ.

Обстоятельства сдѣлали необходимымъ выступленіе Закавказья, отдѣльно отъ Россіи, въ международной политикѣ. Меня чрезвычайно интересовали условія и цѣли этого выступления: я охотно принялъ-бы участіе въ предстоявшей работѣ. Выѣхавшій вмѣстѣ со мною изъ Владикавказа, близко связанный со вождями грузинскихъ с.-д. (меньшевики), А-дзе увѣрялъ меня, что Закавказское правительство несомнѣнно пожелаетъ воспользоваться моими услугами, и что дѣло собственно за мною.

На окраинѣ Владикавказа наткнулись на заставу въ молуканской слободѣ. Вооруженные до зубовъ бородачи, съ желѣзными прутьями въ рукахъ (для прощупыванія мѣшковъ) обыскали насъ, безъ звѣрства (вообще, эта молуканская заставка считалась одной изъ самыхъ суровыхъ), и мы покатили по участку Военно-грузинской дороги, бывшему подъ наблюдениемъ горцевъ-ингушей. Впрочемъ, отсюда до Тифлиса ѣхали уже безъ помѣхъ и задержекъ.

11.

Передъ величіемъ горъ, какъ всегда, казались смѣшными и мелкими раздоры людей, ихъ стремленіе къ взаимному

уничтоженію и мучительству; прекраснѣе и чище, чѣмъ когда либо, были снѣга на верху, и особенно недоступны утесы подъ ними; а встрѣчавшіеся изрѣдка обитатели смежныхъ ущелій были такъ далеки тому, что мы оставили въ Россіи и, зато, думалось, столь близки къ вѣковѣчнымъ взаимоотношеніямъ человѣка и природы.

Пустынно было по Военно-Грузинской дорогѣ. Перевалы только-что очищались отъ снѣга; да и обстоятельства не позволяли посѣщать эти мѣста тѣмъ тысячамъ «Володь» и «Шурочекъ» изъ Костромы и Можайска, которые въ прежніе годы долгомъ считали изображать свои имена на камняхъ, скалахъ и стѣнахъ, показывая стремленіе человѣческой козявки напомнить о себѣ этими жалкими пятнышками тамъ, гдѣ воображеніе искало достойной рамки для великаго страданія Прометея.

Около «замка царицы Тамары». вспоминаю недоумѣніе академика Н. Я. Марра по поводу превращенія Лермонтовымъ величественной, иконописной Тамары грузинской исторіи въ распутницу, сбрасывающую случайныхъ любовниковъ съ Дарьяльской скалы. Мнѣ кажется однако, что такъ занятнѣе... для Шурочекъ и Володь.

Автомобиль нашъ оказался слабосильнымъ. Пришлось заночевать въ Пассанаурѣ, гдѣ всѣ «вакансіи» были заняты армянскими семьями, выбиравшимися изъ Тифлиса въ ожиданіи прихода турокъ. Тяжкій молотъ былъ занесенъ надъ Закавказьемъ, и горе слабымъ, неустроеннымъ!

На слѣдующее утро — въ путь къ Анануру, Мцхету. Всѣмъ памятенъ пейзажъ на этой сторонѣ хребта, нѣжная округлость тамъ горъ и предгорій, покрытыхъ молодымъ кудрявымъ лѣсомъ, мягкость луговъ, пестрота цвѣтовъ на нихъ, музыка потоковъ. Посреди этого благоуханія башни и церковь Ананурскаго замка говорятъ громко о старой Грузіи, о временахъ рыцарскихъ, о временахъ наивной вѣры и наивнаго обычая.

Около Душета поразительная встрѣча: нескончаемый караванъ «фургоновъ», съ бѣлыми верхами, запряженныхъ четверками; повозки тяжело нагружены всякимъ скарбомъ и добромъ, на которомъ размѣстились дѣти, женщины, старики. Мужчины идутъ рядомъ, ведутъ коровъ, лошадей. Сотни такихъ фургоновъ направляются къ сѣверу. Это молукане изъ Карсской области, перебираются на Кубань, куда они заранѣе

посылали ходоковъ высмотрѣть земли; такъ что идти не набумъ. Могучее племя, они на новомъ мѣстѣ только выиграютъ. Въ Карсской области, начиная съ 1914 года, благодаря близости театра войны, имъ было тяжело; а съ уходомъ русскихъ войскъ они и сами предпочли выселиться — махнувъ рукою на насиженные мѣста, и извѣрившись въ прочность военного счастья Россіи еще съ того времени, когда въ декабрѣ 1914 года, во время памятнаго саракамышскаго наступленія турокъ, имъ пришлось хлѣбомъ-солью встрѣчать ихъ на ст. Ново-Селимъ.

Послѣдовавшее за революціей движеніе изъ Закавказья обратно въ Россію русскихъ поселенцевъ, столь знаменательное и стихійное, пророчить-ли конецъ той колонизаціонной политики русскаго правительства, которая въ XX-мъ столѣтіи осуществлялась съ энергіей, и крайнимъ выраженіемъ которой, уже во время войны, былъ проектъ созданія «евфратскаго казачества» (русскій вариантъ разрѣшенія армянскаго вопроса)? Во всякомъ случаѣ, съ свободнымъ развитіемъ народовъ Закавказья такая политика была-бы несовмѣстима.

12.

Но... мы уже успѣли пріѣхать въ Тифлисъ. День былъ солнечный, теплый, оживленіе на улицахъ и видъ толпы, явно жизнерадостной и кротко настроенной, такъ рѣзко отличались отъ всего, къ чему мы привыкли за послѣдній годъ въ Россіи: мы почувствовали себя не только въ другомъ климатѣ, но и въ другой средѣ. И здѣсь, очевидно, революція дѣлала свое дѣло: но пути ея здѣсь иные, и формы проявленія не тѣ.

Разлагающая сила общерусской революціи встрѣтилась здѣсь съ ею-же освобожденными, ею-же поощряемыми стремленіями народовъ къ національному и государственному самоутвержденію: это одна изъ причинъ сравнительной сдержанности, сравнительной умѣренности революціоннаго процесса на Кавказѣ въ 1917-18 годахъ.

Таково было общее впечатлѣніе, полученное мною въ Тифлисъ осенью 1917-го и теперь весною 1918 года. Я не имѣлъ времени особенно углублять его: всего нѣсколько дней пришлось провести въ этомъ Тифлисѣ — столицѣ независимаго Закавказья, съ 9-го апрѣля.

Независимое Закавказье! Нельзя сказать, чтобы этотъ формальный выходъ изъ состава россійской Имперіи былъ сдѣланъ въ порывѣ горячаго національнаго увлеченія. Нѣтъ, онъ былъ вызванъ практической необходимостью подписать миръ — свой «Брестъ-Литовскій» миръ и тѣмъ фактомъ, что Закавказье не признало большевицкаго переворота 25 октября.

Этимъ, во многихъ отношеніяхъ значительнымъ, непризнаніемъ, народы Закавказья явно *выключали себя* изъ рамокъ централизованной русской государственности и общественности.

Учрежденный 15 ноября (с. с.) 1917 года закавказскій комиссаріатъ (Е. П. Гегечкори — предсѣдатель) являлся коалиціей революціонныхъ и національныхъ организацій и былъ, фактически, первымъ независимымъ правительствомъ Закавказья. Это было правительство выборовъ въ Учредительное Собраніе (всероссійское) и поддержанія Кавказскаго фронта.

Послѣ фіаско Учредительнаго Собранія въ январѣ 1918 года вопросъ войны и мира остался единственной жизненной связью Закавказья съ Россіей: связь эта была перерублена Брестъ-Литовскимъ договоромъ. Закавказское правительство попыталось отстоять свои интересы путемъ прямыхъ переговоровъ съ Турціей (Трапезундская конференція, февраль-мартъ 1917 года) и путемъ военной обороны («закавказская демократія» противъ «турецкаго империализма»). Изъ дипломатическихъ переговоровъ въ Трапезундѣ ничего не вышло, а попытка военной обороны окончилась очень скоро и очень постыдно потерей Карса и Батума (1-го апрѣля). Приходилось, не шутя, подписывать миръ, и для этой цѣли собиралась новая конференція, на этотъ разъ въ Батумѣ. А такъ какъ для подписанія мира Закавказье должно было являться правоспособною стороною, то и требовалось, для сей печальной надобности, провозглашеніе его независимости. Что и было сдѣлано. Одновременно, образовалось новое правительство, съ предсѣдателемъ — А. И. Чхенкели, главнымъ делегатомъ Закавказья въ Трапезундѣ. Это правительство, являвшееся коалиціей національныхъ группъ — уже помимо всякой связи съ Россіей — имѣло передъ собою опредѣленную задачу — вывести Закавказье изъ войны.

...Турки занимали не только Батумъ, но и Озургеты, Ахалцихъ и Абастуманъ; иначе говоря, Тифлисъ и Кутаисъ

были подъ непосредственною угрозою военного занятія; армянскія провинціи были частью уже заняты, частью — накануне того. Армянское населеніе Тифлиса особенно должно было опасаться прихода турокъ: многіе выѣзжали уже на сѣверъ, и мы встрѣчали такихъ по Военно-грузинской дорогѣ.

...Несмотря на такое положеніе, тифлисская толпа, повторяю, показалась мнѣ беззаботной и жизнерадостной, когда, 27-го апрѣля 1918 г. нашъ автомобиль остановился у зданія казеннаго театра.

«Помогите намъ» — «Готовъ къ услугамъ, чѣмъ могу», — къ этому, въ сущности, сводился несложный діалогъ мой съ Чхенкели (главою Закавказскаго правительства) и съ Н. Жорданіа, который въ правительство не входилъ, но былъ главнымъ вдохновителемъ краевыхъ политическихъ организацій (совѣтовъ), опираясь на руководимую имъ социаль-демократическую партію.

Подъ предсѣдательствомъ Чхенкели приступала къ работѣ комиссія по выработкѣ конституціи Закавказья — въ эту комиссію мнѣ и предложили вступить. Я поморщился. «Вопросъ о конституціи и самомъ существованіи Закавказья разрѣшится въ Батумѣ — не могу-ли я быть Вамъ полезнымъ тамъ?». Рѣшено было воспользоваться моими услугами въ Батумѣ.

Въ одномъ засѣданіи конституціонной комиссіи (4-го мая) пришлось все же присутствовать. Шелъ обменъ мнѣній по общему вопросу: на какихъ основаніяхъ строить закавказскую федерацію? (новое государство уже офиціально именовалось федеративною республикою).

Мнѣнія излагались различныя. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ мусульманъ полагали, что каждая изъ трехъ частей Закавказья должна получить право *самостоятельной* *англишней* *политики*.

Баку былъ въ рукахъ большевиковъ, а турки находились у самыхъ подступовъ къ Азербайджану: «внѣшняя политика» желательная нашимъ татарамъ, (освобожденіе Баку) могла бы оказаться вовсе не по вкусу армянамъ и т. д. Все это было довольно ясно: страннымъ могло казаться лишь столь скороспѣлое объединеніе весьма разнородныхъ стремленій подъ флагомъ «Закавказской федераціи» или подъ наименованіемъ «демократіи Закавказья».

Нѣтъ, рѣшительно, въ маѣ 1918 года несвоевременно было заниматься разработкою конституціи для Закавказья.

Но силъ было много, онѣ искали своего приложенія; революціонные лозунги казались чудодѣйственнымъ талисманомъ...

Мѣстная демократія давно уже завладѣла дворцомъ б. намѣстниковъ. Съ нею тамъ уживались еще учрежденія кавказскаго фронта, прозябавшія больше по инерціи. Съ того момента, какъ (въ ноябрѣ 1917 г.) такъ наз. красная гвардія подъ водительствомъ Джугели захватила арсеналь, городъ былъ обезпеченъ отъ посягательствъ со стороны проходившихъ съ фронта въ Россію эшелоновъ, и порядокъ, вообще, охранялся сносно.

Словомъ, если бы не турецкая опасность, Закавказье, можетъ быть и справилось бы со своими внутренними затрудненіями: въ его сборномъ правительствѣ, въ національныхъ совѣтахъ, въ Сеймѣ запросы и чувства его населенія получали достаточно полное выраженіе и трудная работа по организаціи здѣсь республиканскаго федеративнаго строя могла-бы, чего добраго, начаться.

Но... надо было ѣхать въ Батумъ.